

ПРАВОСЛАВИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ МИНУВШЕГО, ОБРАЗ БУДУЩЕГО

УДК 821.161.1

СПЕЦИФИКА ПАСХАЛЬНЫХ И РОЖДЕСТВЕНСКИХ РАССКАЗОВ Л. Н. АНДРЕЕВА

*О. В. Христолюбова, В. С. Гиясова,
Пензенский государственный
университет*

Рассмотрен вопрос о специфике пасхальных и рождественских рассказов Л. Н. Андреева. Проведенный анализ позволил выявить отличительные черты подобных жанров в творчестве автора.

Ключевые слова: Л. Андреев, пасхальный рассказ, рождественский рассказ, символика, сакральность, духовное преображение.

SPECIFICITY OF EASTER AND CHRISTMAS STORIES BY L. N. ANDREEV

*O. V. Khristolyubova, V. S. Giyasova,
Penza State University*

The issue of the specificity of Easter and Christmas stories by L. N. Andreev is considered. The analysis made it possible to identify the distinctive features of such genres in the author's work.

Keywords: L. Andreev, Easter story, Christmas story, symbolism, sacrality, spiritual transformation.

Леонид Николаевич Андреев – один из выдающихся российских писателей, имя которого ассоциируется в читательском сознании с такими произведениями, как «Красный смех», «Иуда Искариот», «Рассказ о семи повешенных».

Леонид Николаевич Андреев родился 9 августа 1871 года. В родительском доме на окраинной Пушкарной улице города Орла прошли детские и юношеские годы будущего писателя. Ему навсегда запомнились жуткие картины горького, полуголодного существования забитых и униженных людей окраины, бессильных разорвать оковы своей рабской доли.

В самом начале творческого пути Л. Н. Андреев писал: «Пустынею и кабаком была моя жизнь, и был я одинок, и в самом себе не имел я друга. Были дни, светлые и пустые, как чужой праздник, и были ночи, темные, жуткие, и по ночам я думал о жизни и смерти, и боялся жизни и смерти, и не знал, чего

больше хотел – жизни или смерти. Безгранично велик был мир, и я был один – большое тоскующее сердце, мутящийся ум и злая, бессильная воля <...> Я любил солнце, но свет его страшен для одиноких, как свет фонаря над бездною. Чем ярче фонарь, тем глубже пропасть, и ужасно было мое одиночество перед ярким солнцем. И не давало оно мне радости – это любимое мною и беспощадное солнце <...> Жизнь страшная и непонятная вещь» [3, 6]. В этом тяжком признании молодого Андреева обнажены затаенные корни его глубоко трагического мироощущения, которое формировалось в значительной мере под воздействием пессимистических идей А. Шопенгауэра и Э. Гартмана.

В 1898 году началось сотрудничество Л. Н. Андреева в ежедневной общественно-политической и литературной газете «Курьер», публиковавшей не только материалы судебной хроники, но и его многочисленные фельетоны, литературные и театральные рецензии. Именно на страницах «Курьера» состоялся дебют Андреева-прозаика. В воскресном номере был опубликован его «пасхальный» рассказ «Баргамот и Гараська», от которого, как писал Горький, «повеяло крепким дуновением таланта».

Окрыленный литературными успехами, Л. Н. Андреев переживал период подлинного творческого подъема. Уже в 1901 году петербургское издательство «Знание» при активном содействии Горького выпустило первый том его «Рассказов». Книгу доброжелательно встретил Чехов, одобрил Лев Толстой, о феномене Андреева заговорили на страницах самых известных газет и журналов.

В 1905 году Л. Н. Андреев поддерживал революционеров, скрывал у себя в доме членов РСДРП, за что был арестован и посажен в тюрьму, потом выпущен под залог. С 1906 года писатель находился в эмиграции. Он жил какое-то время в Германии, потом на Капри, на даче у М. Горького. В это время писатель разочаровывается в идеях революции и постепенно отходит от всех политических дел. Он переехал в Бельгию, потом в Финляндию.

На родину писатель так и не вернулся. Остался в Финляндии, где и умер от порока сердца в 1919 году.

Но на сегодняшний день, кроме того, Л. Н. Андреев остаётся одной из самых загадочных личностей XX века.

Н. С. Скороход в своей монографии о личности и творчестве Л. Н. Андреева как нельзя лучше высказался о противоречивости характера писателя, парадоксальности многих его поступков и мыслей: «Почему – мистик и фантаст – жаждал похвалы Толстого и дружил с Горьким? Почему – воспитанный народниками, сочувствующий эсерам – внезапно стал патриотом и «государственником»? Почему – фактически участвуя в первой и приняв вторую русские революции – с первого взгляда возненавидел Ленина и большевиков? Почему – будучи самым знаменитым писателем России – всю жизнь страдал от малейших уколов критики? А будучи умным человеком – ввязывался в глупейшие дискуссии о своем творчестве? Почему – всю жизнь невыносимо страдая от разнообразных недугов – он ни дня не провел в постели? Почему – не будучи больным – умер от инфаркта в 48 лет? Отчего –

не переставая любить Бога и связывая с ним единственную Правду о жизни – все сознательные годы прожил атеистом?» [4, с. 7].

Пусть религиозные взгляды Л. Н. Андреева можно назвать противоречивыми, но его произведения, в частности – пасхальные и рождественские рассказы, часто отражают каноничную и традиционную позицию в вопросах веры и христианства.

Пасхальный рассказ существует только в православии в отличие от рождественского рассказа. В пасхальном рассказе центральным является спасение души, всепрощение, радость святого Причастия, путь к Богу. Жанр русского пасхального рассказа является уникальным (эксклюзивным) жанром в мировой литературе. Он характерен только для русского православия. Пасхальные тексты часто сопровождаются пасхальными символами и образами – крест, верба, Вербная суббота, Страстная неделя, «четверговая соль», кулич, яйцо, колокольный звон, храм, святая вода. Важнейший мотив пасхальных произведений – духовное воскресение человека, сопереживание Страстям Господним, покаяние, милосердие, любовь к ближнему [5, с. 102-105].

Таким образом, пасхальный рассказ как жанр русской литературы занимает особое место в системе жанров. Пасхальные рассказы неизменно демонстрируют духовное преображение человека, победу любви и добра, умение прощать и радоваться счастью других.

Обратимся к пасхальному рассказу Л. Н. Андреева «Баргамот и Гараська». Здесь, кажется, собраны все «классические» элементы этого жанра: пасхальное яйцо как символ обновленной жизни, неожиданной стороны в характере Гараськи, который считается «скандалистом первым на всей окраине», бродягой и заядлым пьяницей, но вдруг хочет похристосоваться с Баргамотом; внутренние изменения в мировоззрении героя – что видно на примере Гараськи (о чем мы писали выше) и Баргамота, который при трогательной сцене стенаний Гараськи о своем разбитом яйце «ощущал не то жалость, не то совесть», «чувствовал, что жалок ему этот человек, как брат родной, кровно своим же братом обиженный» [1, с. 11]; счастливая развязка, в которой Баргамот приглашает Гараську разговляться в свой дом, проявив тем самым к нему, может, первым из множества людей, встречавшихся Гараське на своем пути, доброту и милосердие; в конечном итоге – пасхальное чудо – переосмысление главными героями своей жизни, некое духовное перерождение. Кроме того, в основе произведения также лежит традиционная для пасхального рассказа идея о духовном перерождении человека, чудодейственности проявления милосердия к ближнему.

Не менее интересным жанром прозы Л. Н. Андреева является святочный, или рождественский, рассказ.

Главным формальным признаком святочных текстов можно считать их обязательную приуроченность к событиям святочных праздников – от Рождества до Крещения. Христианская мифология определила следующие содержательные элементы святочных рассказов: 1) тема семьи (она восходит к теме Евангельского Святого Семейства). Данная тема определяет такие

ключевые мотивы, как «мать и дитя», «воссоединение семьи», «домашний очаг», «семейный уют», «единение близких людей». Часто тема семьи поднимается авторами святочных рассказов на иной, более обобщенный уровень: все человечество становится единой семьей, братьями. Как следствие, центральная идея многих рождественских текстов – идея сплочения; 2) мотив «рождественская звезда». С обозначенным мотивом связаны идеи духовного пути как возможность очищения и самопознания, смирения и упования на Бога даже в самых трудных жизненных ситуациях; 3) мотив дарения, восходящий также к евангельским событиям: волхвы, пришедшие поклониться Христу, принесли ему золото, ладан и смирну. Трактовки семантики даров различны, но ключевая идея мотива – божественный дар любви, который должны открыть для себя люди; 4) мотив «ребенок-спаситель» (связан с образом Младенца Иисуса) – один из центральных и особо значимых мотивов, поскольку Церковь учит, что именно через младенчество Иисуса откроется высшая мудрость, поэтому так важна христианская заповедь: «Будьте как дети». Кроме того, детство – период особой остроты и интенсивности переживания праздника Рождества; 5) мотив воспоминаний. Воспоминания о рождении Иисуса Христа отсылают читателя к вышеперечисленным мотивам: семьи, ребенка, домашнего очага и т. д.; 6) мотив чуда. Праздник Рождества установлен в воспоминание о чудесном рождении Иисуса Христа. Чудо, однажды свершившееся в этот день, многократно отзывается в судьбах людей, вселяя в них веру и надежду. Рождественское чудо имеет различные проявления: и счастливое стечение обстоятельств, и внутреннее преображение человека. Таковы рождественские мотивы святочных рассказов, напрямую связанные с христианской мифологией и отражающие евангельские события [2, с. 1-4].

Традиционным можно назвать и рождественский рассказ Л. Н. Андреева «Ангелочек». Например, в этом произведении мы видим типичного для жанра главного героя – ребенка, попавшего в трудное положение. Так, Сашка – ребенок из бедной и неблагополучной семьи, которого «перед рождеством выгнали из гимназии». Присутствуют здесь и «классические» мотивы: мотив помощи милосердных людей – Свечниковы зовут Сашку на ёлку, мотив рождественского чуда – хозяйка позволяет мальчику взять себе ёлочную игрушку в виде ангелочка, мотив примирения и «возвращения блудного сына» – Сашка после ёлки приходит к отцу и показывает ему ангелочка («И рядом с глазами отжившего человека сверкали глаза начинающего жить и ласкали ангелочка. И для них исчезало и настоящее и будущее: и вечно печальный и жалкий отец, и грубая, невыносимая мать, и черный мрак обид, жестокостей, унижений и злобствующей тоски» [1, с. 34]). Все это позволяет отнести «Ангелочка» к классическому рождественскому рассказу.

Важно в связи с анализом этого рассказа остановиться на его финале: почему же в конце ангелочек тает? Эта елочная игрушка – символ надежды, новой жизни, духовного обновления. И, кажется, что она меняет что-то внутри Сашки, утешает его отца, позволяет им испытать давно забытые или никогда до этого не испытанные чувства: сострадание, умиление, благоговение перед

чем-то святым и высоким. И вот ангелочек тает. Автор рисует следующую картину: «А ангелочек, повешенный у горячей печки, начал таять. Лампа, оставленная гореть по настоянию Сашки, наполняла комнату запахом керосина и сквозь закопченное стекло бросала печальный свет на картину медленного разрушения. <...> Вот ангелочек встрепенулся, словно для полета, и упал с мягким стуком на горячие плиты. <...> В завешенное окно пробивался синеватый свет начинающегося дня, и на дворе уже застучал железным черпаком зазябший водовоз» [1, с. 36]. Кажется, здесь сказано все: как и ангелочек Сашка лишь только «встрепенулся», только «краешком души» понял, что значит благоговение перед чем-то святым и высоким, но счастливый финал в истории мальчика невозможен, его ждет «медленное разрушение», потому что «зябший водовоз уже застучал железным черпаком», то есть неприглядная и жестокая действительность уже загубила душу Сашки, ангелочек не может ввести его в новую светлую жизнь с верой и надеждой. Здесь Л. Н. Андреевым нарушается один из главных канонов рождественского рассказа – счастливый конец.

Интересно сравнить два этих рассказа. Так, главным их содержательным различием является то, что в рождественском рассказе мы видим чувство внешнее, а в пасхальном – внутреннее. И, действительно, в «Ангелочке» отца и сына объединяет фигурка херувима, именно она влияет на внутреннее преобразование героя: «Казалось, что когда нежные крылышки ангелочка прикоснутся к впалой груди Сашки, то случится что-то такое радостное, такое светлое, какого никогда еще не происходило на печальной, грешной и страдающей земле». А вот в «Баргамоте и Гараське» только чувства героев, их внутреннее и естественное желание позволили совершиться пасхальному чуду – торжеству милосердия, сострадания, гуманности.

Но, тем не менее, намного больше у рассказов общих черт. Все они <черты>, в общем-то, имеют общий источник – изображение в произведениях религиозных праздников. Эти торжества испокон веков учили людей проявлять заботу по отношению к другим людям, воспевали высокие нравственные идеалы, такие как терпимость, добросердечность, кротость, сострадание. И в данных рассказах Л. Н. Андреева религиозное торжество – не просто фон, на котором происходит основное действие, но катализатор всего лучшего в человеке, сила, которая пробуждает в героях скрытые, может, даже забытые ими самими глубоко гуманные начала.

Таким образом, смысл любого рассказа, отражающего события религиозного торжества, будь то Пасха или Рождество, или какой-либо еще праздник православного календаря, – это возможность рассказать читателям притчу о чуде, которое рождается в душе каждого верующего человека – чуде всего лучшего в людях – милосердия, сострадания, гуманности. Анализируемые рассказы Л. Н. Андреева, как и такие притчи, обладают глубоким воспитательным потенциалом, говорят понятным и для ребенка, и для взрослого истинным языком, понятным всему человечеству, прежде всего, – языком любви.

Литература

1. Андреев Л. Повести и рассказы. – Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1979. – С. 5-14, 24-37.
2. Базылева Н. С. Эволюция жанра «рождественский рассказ» // Юный ученый. 2016. № 6 (9). – С. 1-4.
3. Бугров Б. С. Мятежная душа. – М. : Советский писатель, 1991. – 6 с.
4. Скороход Н. С. Леонид Андреев. – М. : Молодая гвардия, 2013. – 7 с.
5. Шестернёва Л. Г. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Поволжский педагогический вестник. 2021. №4 (33). – С. 102-105.